

DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-36-40
УДК 343.3/7

Ошибки законодательной техники, допущенные при установлении ответственности за акт международного терроризма

В. Ф. ЛАПШИН – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, доцент;

Э. Х. НАДЫСЕВА – и. о. декана юридического факультета Московского государственного областного университета, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена правовому анализу содержания нормы российского уголовного закона об ответственности за совершение акта международного терроризма. Введение в УК РФ ст. 361 было обусловлено официально признанной необходимостью усиления борьбы с террористической деятельностью, включая акты терроризма, подготовка и совершение которых осуществляются представителями международных террористических организаций.

Анализ содержания диспозиции ст. 361 УК РФ позволил выявить ряд существенных нарушений правил законодательной техники, допущенных при описании отдельных юридически значимых признаков. Это создает объективные трудности для толкования положений ст. 361 УК РФ в процессе квалификации преступления, равно как и вызывает неоправданную конкуренцию со ст. 205 УК РФ, которой установлена ответственность за террористический акт.

По итогам исследования делается научно обоснованный вывод о нецелесообразности включения нормы об ответственности за акт международного терроризма в Особенную часть российского уголовного закона.

Ключевые слова: акт международного терроризма; террористический акт; законодательная техника; конкуренция норм; избыточная криминализация; смежные составы преступлений.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Лапшин В. Ф., Надысева Э. Х. Ошибки законодательной техники, допущенные при установлении ответственности за акт международного терроризма. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 1 (11), с. 36–40. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-36-40.

Errors of legislative technique made in establishing responsibility for an act of international terrorism

V. F. LAPSHIN – professor at the department of criminal law, Moscow Region State University, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor

E. KH. NADYSEVA – acting dean of the faculty of law, Moscow Region State University, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

This research is devoted to the legal analysis of the content of the norms of the Russian Criminal Law on liability for committing an act of international terrorism. Adding Article 361 to the Criminal Code of the Russian Federation was due to the officially declared need to strengthen the fight against terrorist activities, including acts of terrorism, the preparation and commission of which is carried out by representatives of international terrorist organizations. The analysis of the content of the disposition of Art. 361 of the Criminal Code of the Russian

Federation made it possible to identify a number of significant violations of the norms of legislative technique, made in the description of certain legally significant features. This creates objective difficulties for the interpretation of the provisions of Art. 361 of the Criminal Code of the Russian Federation in the process of qualifying a crime, and gives rise to unjustified competition with Art. 205 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for a terrorist act.

Based on the results of the study, a scientifically substantiated conclusion is drawn that it is inexpedient to include the norm that establishes liability for an act of international terrorism in the Special Part of the Russian Criminal Law.

Key words: act of international terrorism; act of terrorism; legislative technique; competition of norms; excessive criminalization; related elements of crimes.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Lapshin V. F., Nadyseva E. Kh. Errors of legislative technique made in establishing responsibility for an act of international terrorism. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 1 (11), pp. 36–40. DOI 10.46741/2713-2811-2021-1-36-40.

В июле 2016 г. Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 361 об ответственности за совершение акта международного терроризма, что вызвало достаточно острую дискуссию в научной литературе. Высказанные относительно данного законодательного решения суждения можно подразделить на две группы: 1) обоснование юридической обособленности состава преступления, предусмотренного ст. 361 УК РФ, от иных составов преступлений террористического характера (большинство исследователей)¹; 2) указание на наличие неоправданной конкуренции с общей нормой – ст. 205 УК РФ, которой установлена ответственность за террористический акт. Представители второй условно выделенной здесь группы указывают на целесообразность исключения ст. 361 УК РФ из действующего закона, а содержание ст. 205 УК РФ «Террористический акт» предлагают дополнить соответствующими квалифицирующими признаками, указывающими на международный характер общественно опасных действий². Отдельного внимания заслуживают высказываемые в научной литературе мысли о необходимости совершенствования содержания указанной нормы-новеллы, в том числе изменения и дополнения ее действующей редакции³. Противоречивость существующих мнений относительно необходимости включения в УК РФ ст. 361, а также качества законодательной техники формулирования содержащихся в ней предписаний, крайне высокая степень абстрактности обоснования для криминализации акта международного терроризма посредством отдельной уголовно-правовой нормы – все это свидетельствует об объективном наличии заявленной проблемы.

В современной научной литературе подавляющее большинство авторов критикуют отдельные положения ст. 361 УК РФ, указывая на необходимость их частной редакционной правки. Среди специальных монографических исследований особого внимания заслуживает кандидатская диссертация В. А. Суворова, успешно защищенная в 2019 г.⁴ Заметим, что в целом ученые не указывают на отсутствие необходимости включения в УК РФ ст. 361 и не приводят соответствующих научных аргументов.

Мы же придерживаемся точки зрения о том, что существование специальной нормы Особенной части УК РФ об ответственности за акт международного терроризма излишне. Это в действительности создает условия для неоправданной конкуренции ст. 361 и 205 УК РФ, а также вызывает проблемы в процессе квалификации.

Современные законодательные тенденции таковы, что ратификация Россией какого-либо нормативного акта международного права неизбежно влечет за собой не только принятие законов и подзаконных нормативных актов, регулирующих соответствующие виды общественных отношений, но и включение в уголовное законодательство новых норм. Подобные решения имели место в части установления ответственности за торговлю людьми и использование рабского труда, легализацию (отмывание) денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем, посредничество во взяточничестве и др. Дополнение кодекса нормами-новеллами об ответственности за преступления террористического характера, в том числе за финансирование террористической деятельности, ознаменовалось ратификацией очередного пакета международных актов о противодействии терро-

ризму. Однако анализ уголовно-правовых новшеств, результатом которых стало закрепление в УК РФ норм о новых преступлениях, свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев решения о криминализации не восполняют якобы существующий пробел в уголовном праве, а, напротив, создают юридически необоснованную конкуренцию уже имеющимся нормам.

К сожалению, подобная ситуация наблюдается и в случае установления ответственности за совершение акта международного терроризма федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ. До момента его принятия уголовная ответственность за террористический акт реализовывалась путем инкриминирования ст. 205 УК РФ. Сопоставление положений ст. 205 и 361 УК РФ не позволяет установить принципиальные отличия в юридически значимых признаках предусмотренных ими преступлений.

В современной теории уголовного права сложилось общее мнение о необходимости разделения преступлений, прямо или косвенно причиняющих вред общественным отношениям, которые урегулированы нормами международного права, на международные преступления и преступления международного характера. Первые посягают на мир и международную безопасность в целом, тогда как вторые – на общественные отношения, урегулированные нормами национального и международного права (конвенционные преступления)⁵.

Международное право в части регламентации противодействия террористической деятельности, в том числе и касающееся ответственности за совершение террористических актов, имеет достаточно длительную историю. Из этого следует, что и террористический акт, и захват заложника, и иные преступления террористического характера непосредственно посягают на круг общественных международных отношений. Поэтому норма об ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ), расположенная в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», обеспечивала достаточную охрану не только внутригосударственных, но и международных отношений. Размещение же ст. 361 в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» представляется ошибочным, поскольку описанное в ней деяние не нарушает нормы-принципы международного права, имеющие наивысшую юридическую силу, – *jus cogens*.

Существенные нарекания с точки зрения унификации и единообразного использо-

вания юридической терминологии вызывает наименование ст. 361 УК РФ. Сущность называемых в ней действий идентична деянию, предусмотренному ст. 205 УК РФ: совершение взрыва, поджога или иных действий, а также угроза совершения указанных действий. Однако если в ст. 205 УК РФ деяние именуется террористическим актом, то в ст. 361 УК РФ говорится об акте международного терроризма. Некорректность наименования нормы-новеллы заключается в том, что терроризм не может рассматриваться в качестве действия или деятельности, поскольку признается идеологией насилия или наиболее радикальной формой экстремизма. Из этого следует, что законодатель, видимо, попытался установить ответственность за совершение не рядового или общего террористического акта, а международного террористического акта, закрепив в диспозиции ст. 361 УК РФ его отличительные юридически значимые признаки:

- целью совершения террористического акта является нарушение мирного сосуществования государств и народов мирового сообщества;
- местом совершения может являться территория любого государства, кроме территории Российской Федерации;
- общественно опасное деяние должно быть направлено против российских граждан либо интересов Российской Федерации.

Содержание признаков акта международного терроризма (международного террористического акта) достаточно противоречиво с позиции юридического анализа. Следует обратить внимание на отсутствие здесь перечисления действительных целей, которые обязательно преследуются при совершении как террористического акта, так и любого другого вида преступления террористического характера. Таковыми являются запугивание населения, дестабилизация деятельности национальных или международных органов власти и оказание воздействия на должностных лиц органов власти управления для принятия ими решений, отвечающих интересам представителей террористических организаций и объединений⁶. Повторим, указанные цели не получили отражения в содержании ст. 361 УК РФ, что можно расценивать как недостаток техники формулирования уголовно-правового предписания. В то же время официально заявляемая цель носит крайне общий, абстрактный характер, и при практическом

применении нормы будет довольно проблематично установить, как именно преступник после совершения террористического акта предвидел развитие событий, приводящее к «нарушению мирного сосуществования государств и народов мирового сообщества», и на основании каких фактов он мог бы констатировать достижение желаемой цели. Неустановление же в процессе квалификации указанного признака состава преступления исключает возможность привлечения лица к ответственности за совершение акта международного терроризма в силу императивных положений ст. 8 УК РФ.

Следующим условием (признаком), обязательно определяемым в процессе квалификации, является место совершения преступления. В соответствии с диспозицией исследуемой нормы преступление должно быть совершено вне пределов территории Российской Федерации. Подобное требование, устанавливаемое в национальном праве, некорректно, поскольку особенности применения законодательства об ответственности лиц, совершивших преступление (преступления) на территории иного государства, регулируются нормами международного права. Эти же особенности закреплены и в нормах Общей части УК РФ, определяющих действие уголовного закона в пространстве (ч. 1, 3 ст. 12). И в международном, и в национальном праве презюмируется, что лицо привлекается к ответственности по уголовному законодательству того государства, на территории которого совершено преступление. И только в исключительных случаях неосуждения преступника по законодательству государства, в котором совершено преступление, он может быть привлечен к ответственности по уголовному закону страны, против граждан и (или) интересов которой совершено преступление. В международном праве данный принцип получил наименование «либо выдай, либо накажи», но преимущественное право на осуждение преступника в любом случае остается за государством места совершения уголовно наказуемого деяния.

Отсюда следует, что лицо, совершившее акт терроризма на территории иного государства против, например, представителей дипломатического представительства России, но не на территории российского посольства, подлежит ответственности по уголовному законодательству соответствующей страны, а не по ст. 361 УК РФ. Если государство, на территории которого совершен террористический акт против граж-

дан России, отказывается от привлечения виновного к ответственности, то последний может быть осужден по российскому уголовному закону. Но и в этом случае остается открытым вопрос о целесообразности разграничения юридической сущности террористических актов, один из которых совершен на территории Российской Федерации и квалифицируется по ст. 205 УК РФ, а другой – на территории иностранного государства. Можно предположить, что и это основание для формулирования специальной уголовно-правовой нормы об ответственности за террористический акт не вызвано правовой необходимостью, а является искусственно созданным, надуманным.

Наконец, указание на обязательность совершения акта международного терроризма, который подвергает опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность российских граждан либо направлен против интересов России, также не лишено юридической дискуссионности. Как уже отмечалось, в нормах международного права закреплено положение о значительной общественной опасности террористической идеологии для международного сообщества. Кроме этого, международным правом определяется универсальная юрисдикция в отношении лиц, совершивших преступление террористического характера на территории любого суверенного государства. При таких обстоятельствах обособление граждан России в качестве пострадавших от террористического акта либо России как государства, национальные интересы которого нарушены в результате совершения указанного преступления, вряд ли может считаться юридически корректным.

Анализ иных признаков состава преступления акта международного терроризма указывает на их идентичность признакам, закрепленным в общей уголовно-правовой норме об ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ). Это позволяет сделать вывод о нарушении правил законодательной техники при формулировании специальной нормы уголовного закона об ответственности за деяние, которое уже предусмотрено нормой Особенной части УК РФ.

Норма об ответственности за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ), на наш взгляд, ошибочно включена в действующий уголовный закон. Акт международного терроризма рассматривался как преступление против общественной безопасности и подлежал квалификации по ст. 205 УК РФ

и до введения в действие ст. 361 УК РФ, поэтому во избежание возможных трудностей в процессе квалификации и для устранения

неоправданной конкуренции общей и специальной уголовно-правовой норм целесообразно исключить ст. 361 из УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ендольцева А. В. Уголовная ответственность за акт международного терроризма в контексте международной политики Российской Федерации // Вестн. Мос. ун-та МВД России. 2017. № 4. С. 146; Николаев К. Д. Акт международного терроризма – преступление против мира и согласия между народами и (или) государствами // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 234–239.

² См.: Еремина К. Ф. Спорные вопросы разграничения террористического акта (ст. 205 УК РФ) и акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ) // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2017. С. 94.

³ См.: Сидоров Б. В. Новое в определении терроризма, международного терроризма, террористического акта и акта международного терроризма и проблемы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестн. экономики, права и социологии. 2017. № 2. С. 121.

⁴ См.: Суворов В. А. Уголовная ответственность за акт международного терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 25 с.

⁵ См.: Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 31–54; Упоров А. Г. Понятие и предмет международного уголовного права // Междунар. публич. и част. право. 2018. № 2. С. 26–29.

⁶ См.: Пинчук А. Ю. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 15.

¹ Sm.: Endol'ceva A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za akt mezhdunarodnogo terrorizma v kontekste mezhdunarodnoj politiki Rossijskoj Federacii // Vestn. Mos. un-ta MVD Ros-sii. 2017. № 4. S. 146; Nikolaev K. D. Akt mezhdunarodnogo terrorizma – prestuplenie protiv mira i soglasiya mezhdu narodami i (ili) gosudarstvami // Ugolovnaya politika i pravo-primenitel'naya praktika : sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2019. S. 234–239.

² Sm.: Eremina K. F. Sporny'e voprosy' razgranicheniya terroristicheskogo akta (st. 205 UK RF) i akta mezhdunarodnogo terrorizma (st. 361 UK RF) // Aktual'ny'e problemy' pravovogo, social'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii : materialy' X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Saratov, 2017. S. 94.

³ Sm.: Sidorov B. V. Novoe v opredelenii terrorizma, mezhdunarodnogo terrorizma, terro-risticheskogo akta i akta mezhdunarodnogo terrorizma i problemy' sovershenstvovaniya rossijskogo ugolovnogo zakonodatel'stva // Vestn. e'konomiki, prava i sociologii. 2017. № 2. S. 121.

⁴ Sm.: Suvorov V. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za akt mezhdunarodnogo terrorizma : avto-ref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2019. 25 s.

⁵ Sm.: Karpecz I. I. Prestupleniya mezhdunarodnogo xaraktera. M., 1979. S. 31–54; Uporov A. G. Ponyatie i predmet mezhdunarodnogo ugolovnogo prava // Mezhdunar. publich. i chast. pravo. 2018. № 2. S. 26–29.

⁶ Sm.: Pinchuk A. Yu. Terrorizm v usloviyax globalizacii kak faktor politicheskoy destrukcii: politicheskij analiz : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2019. S. 15.